

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.24>

Горячев Николай Николаевич

Интерпретация и адаптация маоизма в Латинской Америке на примере Перу

Цель исследования - выявить условия возникновения и адаптации маоизма в Перу как нового пути развития радикальной политической идеологии. В статье проанализированы вопросы возникновения радикальных социалистических движений, их эволюция и конкуренция в историко-политическом процессе. Особое внимание уделено развитию идей маоизма и внутрипартийной борьбе его последователей до 1980 г., в результате чего возникла маоистская организация "Сендеро Луминосо". Научная новизна работы заключается в изучении идеологических факторов, повлиявших на формирование особенностей перуанского маоизма. В результате доказано, что успех маоизма в Перу определяется включением в маоистскую доктрину местной идеологии, основанной на учении Х. К. Мариатеги.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/10/24.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 10. С. 121-126. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

Всеобщая история

General History

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.24>

Дата поступления рукописи: 20.08.2020

Цель исследования – выявить условия возникновения и адаптации маоизма в Перу как нового пути развития радикальной политической идеологии. В статье проанализированы вопросы возникновения радикальных социалистических движений, их эволюция и конкуренция в историко-политическом процессе. Особое внимание уделено развитию идей маоизма и внутривнутрипартийной борьбе его последователей до 1980 г., в результате чего возникла маоистская организация «Сендеро Луминосо». **Научная новизна** работы заключается в изучении идеологических факторов, повлиявших на формирование особенностей перуанского маоизма. **В результате** доказано, что успех маоизма в Перу определяется включением в маоистскую доктрину местной идеологии, основанной на учении Х. К. Мариатеги.

Ключевые слова и фразы: Перу; маоизм; «Сендеро Луминосо»; Х. К. Мариатеги; А. Гусман; коммунистический раскол.

Горячев Николай Николаевич

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Владивосток
goryachev@ihaefe.ru*

Интерпретация и адаптация маоизма в Латинской Америке на примере Перу

Наблюдаемый в настоящее время рост глобального влияния Китая, начавшийся в XXI в., привёл к тому, что в мировом научном дискурсе стал активно обсуждаться вопрос идеологической составляющей этого процесса не только на современном этапе, но и в историческом контексте. **Актуальность** данной статьи обусловлена тем, что страны Латинской Америки на протяжении второй половины XX в., с одной стороны, находились под прямым влиянием мирового соперничества двух принципиально разных систем (социалистической и капиталистической), а с другой – под влиянием противоречий внутри коммунистического мира и региональных факторов, главным из которых стал успех Кубинской революции в 1959 г. Некоторые представители латиноамериканских левых сил после XX съезда Коммунистической партии Советского Союза в 1956 г. не приняли доктрину «мирного сосуществования» и стали искать новые пути своего развития в коммунистическом поле. При этом они отвергали путь «мирного сосуществования» с капиталистическими странами, которого стал придерживаться Союз Советских Социалистических Республик. И в этих поисках они обращались к идее заимствования маоизма и китайского опыта вооруженной борьбы и революции. Проникновение маоизма в Латинскую Америку привело к крайней степени эскалации противостояния между левыми радикалами и властью, и самым ярким примером этого является деятельность перуанской организации «Сендеро Луминосо» во главе с Абимаэлем Гусманом Рейносо. Это единственная маоистская организация в Латинской Америке, в результате действий которой произошёл полномасштабный социально-политический кризис в отдельно взятой стране.

Для достижения цели данной статьи необходимо решить следующие **задачи**: изучить процесс зарождения и трансформации социалистических движений Перу, исследовать их идеологические основы, а также определить факторы, повлиявшие на интерпретацию маоизма левыми силами этой страны. Исходя из поставленных задач, методологической основой работы стал историко-генетический **метод**, который позволяет проследить процесс становления и эволюции перуанской интерпретации социализма. В качестве основной стратегии исследования автором была применена т.н. стратегия “case study” (кейс-стади), с использованием подходов, описанных Дж. Геррингом и Л. Кожокару [11; 12]. Кейс-стади, по определению Герринга, представляет собой углубленное изучение отдельного явления с целью понимания сущности большего класса аналогичных явлений, где явление – это пространственно-ограниченный феномен (государство, революция, политическая партия, конкретная личность и т.д.), наблюдаемый в определенный момент времени

или в течение некоторого ограниченного периода времени [11, р. 342]. Использование комбинации нескольких схем исследования в рамках предложенной Геррингом типологии стратегий кейс-стади (каузальной и диагностической) позволяет подробно проследить как причинно-следственные связи, возникшие в процессе формирования маоистской идеологии в Перу, так и самые различные факторы, повлиявшие на этот процесс.

В отечественной историографии вопрос использования непосредственно маоизма как идеологии в Латинской Америке рассмотрен достаточно фрагментарно. С одной стороны, это связано с тем, что в советской историографии маоизм подвергался критике вследствие политической конъюнктуры. С другой стороны, вопрос революционных течений в Латинской Америке в отечественной историографии в основном рассматривается посредством изучения деятельности коммунистических правительств, связанных с СССР идеологически, – к примеру, деятельность правительства Народного единства Сальвадора Альенде в Чили и особенно феномен Кубинской революции [5]. В. Л. Хейфец рассматривал маоистское течение в колумбийском партизанском движении и роль кубинского, советского и китайского факторов в развитии левого движения в Колумбии [4]. Деятельности непосредственно «Сендеро Луминосо» также посвящены некоторые работы, однако в них практически нет сведений о начальном этапе проникновения маоизма в Перу, они охватывают период после 1980 г., когда «Сендеро Луминосо» уже начало народную войну. Тем не менее такие авторы, как Р. М. Магомедов [2], Г. И. Коларов и В. В. Усов [1], рассмотрели отдельные аспекты идеологии «Сендеро Луминосо» в период активных действий организации.

Теоретическую базу исследования составили в основном работы зарубежных авторов, которые изучали различные вопросы, связанные как с маоистской идеологией в Перу на разных этапах её формирования [10; 13; 17], так и с общей радикализацией левых социалистических движений [18]. Основными источниками в процессе создания статьи послужили труды непосредственных участников маоистских движений К. Де ла Ривы [9], Х. Сотомайора [20], К. Адриансен [6], а также интервью и теоретические работы основателя «Сендеро Луминосо» А. Гусмана [7; 8; 14-16].

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы для построения модели изучения особенностей идейно-политической доместикации как маоизма, так и иных идеологических доктрин в странах Латинской Америки и за ее пределами.

Радикальные политические движения в Перу получили почву для своего формирования в первой четверти XX в. На волне экстенсивного развития различных отраслей промышленности (производство сахара, хлопка, текстиля, горнодобыча и нефтепромысел) в стране начал формироваться пролетариат. Этот процесс в конечном итоге привёл к концу периода «Аристократической республики», чему способствовал экономический спад в результате Первой мировой войны. Рост влияния рабочих движений привлёк внимание двух перуанских интеллектуалов того времени: Виктора Рауля Айя де ла Торре и Хосе Карлоса Мариатеги.

Айя де ла Торре был лидером студенческого движения 1918-1919 гг. и за свою деятельность в этом качестве был изгнан правительством Аугусто Легии из страны в 1923 г. Уже в изгнании он основал партию АПРА – «Американский народно-революционный альянс», чьи сторонники стали известны как апристы. Апристы придерживались панамериканизма, при этом отвергая как западную модель капитализма, так и советскую социалистическую систему. Айя де ла Торре считал, что у латиноамериканских стран должна появиться своя модель социалистической системы, основанная на всеобщей демократии и уважении к коренному населению. Глава апристов проявил себя как активный политик – он участвовал в президентских выборах в 1931 и 1962 гг., а его партию в Перу запрещали трижды (1931-1934, 1935-1945, 1948-1956 гг.). Несмотря на то, что в первые десятилетия своего существования апристы придерживались мнения о необходимости свержения латифундистов, в конце 1950-х гг. с целью легализации от радикальных левых идей апристы постепенно отказались.

Личность Мариатеги была куда более важной в плане формирования сугубо перуанской социалистической мысли, основанной на идеологии марксизма. Мариатеги в тот же период уже являлся известным журналистом, сочувствующим рабочему классу, и в определённой степени критиком капитализма. В 1919 г. Мариатеги был выслан из Перу в Европу, где проникся идеями социализма, под влиянием чего стал марксистом. Вернувшись на родину в 1923 г., он вёл систематическую работу по воспитанию классового сознания перуанского рабочего класса. В то же время центральной темой его теоретических работ было место коренных (индейских) народов в современном ему перуанском обществе. Он полагал, что именно самобытность индейцев является перуанской идентичностью – эта идея была противоположна доминирующему в Перу представлению о том, что индейское население настолько отличается от существующего перуанского общества в социокультурном плане, что это отличие само по себе является проблемой для интеграции индейцев в социум [3]. Мариатеги при этом определял индейскую проблему как социально-экономический вопрос, который мог быть решён только уничтожением феодальных отношений в сельской местности. Он считал, что проблема индейцев лежит главным образом не в социокультурной, а в экономической плоскости – в системе землевладения. В 1928 г. Мариатеги основал Перуанскую социалистическую партию (ПСП), которая позднее была переименована в Перуанскую коммунистическую партию (ПКП), однако в 1930 г. он умер. Идеиное наследие Мариатеги интерпретировалось перуанскими политическими деятелями по-разному, но он стал своего рода «отцом перуанского марксизма». Тем не менее ПКП не находилась в числе основных политических сил страны, хотя и сыграла определённую роль в народных выступлениях против правительства Мануэля Одрри в 1950-х гг. Коммунисты не смогли привлечь большое количество сторонников и не набрали достаточного политического веса.

В конце 1950-х гг. произошло два события, которые в определенной степени повлияли на радикализацию левых движений в мировом масштабе. Во-первых, начал обретать форму советско-китайский раскол, который спровоцировал идейные разногласия в коммунистических и социалистических партиях по всему миру. Левые партии стали рассматривать социализм с разных точек зрения и пытались решить, чей подход, советский или китайский, является для них наиболее приемлемым. Во-вторых, 1 января 1959 г. Кубинская революция завершилась падением режима Фульхенсио Батисты – это событие стало реальным доказательством того, что революционная борьба может увенчаться успехом и в Латинской Америке. Интерес китайского правительства к революционным процессам в Латинской Америке утвердился именно после окончательного успеха революции на Кубе. В ноябре 1960 г. Мао Цзэдун встретился с кубинской делегацией под руководством Эрнесто Че Гевары [19]. Делегация состояла не только из кубинцев, её можно назвать интернациональной. Председателя Коммунистической партии Китая очень интересовали не только происходящее на Кубе и реформаторская деятельность правительства Фиделя Кастро. В ходе беседы он пристально интересовался внутренней ситуацией в других латиноамериканских странах, возможностью возникновения там антиимпериалистических движений и революций, в том числе на основе силового противостояния с властями. На встрече также обсуждались идеологические вопросы: значение вооруженной борьбы как одной из форм революционного движения и взаимосвязь между революционным процессом в городах и в сельских районах. И Мао, и Гевара подчеркивали, что вооруженная борьба изначально не являлась первоочередной задачей революционеров, и к ней пришлось прибегнуть вынужденно, в ответ на силовое подавление со стороны властей. Мао также согласился с тремя тезисами Гевары о сущности революционного процесса в Латинской Америке: народ может победить реакционеров; не нужно ждать, пока все условия созреют, чтобы начать революцию; в Латинской Америке главная сила революции – в сельских районах. Для двух лидеров было очевидно, что Китайская и Кубинская революции несут в себе достаточно много общих черт и являются явлениями одного порядка, и, таким образом, очень близки идеологически, то есть китайский опыт может быть применён в Латинской Америке.

Учитывая происходящие события, перуанские коммунисты также постепенно разделились на сторонников советской и китайской моделей развития партии. Начало этому размежеванию положил пятимесячный семинар для латиноамериканских коммунистов, проведённый в Китае в 1959 г., в котором от Перу приняли участие Хосе Сотомайор, Карлос Де ла Рива и Хорхе дель Прадо – одни из лидеров ПКП. Семинар состоял из теоретической и практической частей. На теоретических занятиях латиноамериканцы изучали работы Мао Цзэдуна и других китайских мыслителей, а также историю Китайской революции. Основное внимание уделялось вопросам объединённого фронта, проблеме крестьянства, вооруженной борьбы и её роли в Китайской революции, деятельности КПК как в подполье, так и после легализации, внутривнутрипартийной конкуренции. Теоретико-философскую базу семинара составляли труды Мао, сочинения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина были полностью исключены из программы [20, р. 41]. При этом организаторы постоянно указывали, что опыт Китайской революции не может быть просто применён к другим реалиям – необходимо учитывать уроки Китайской революции, но не копировать китайский опыт полностью и без адаптации. Практической частью семинара было посещение различных районов Китая и ознакомление с тем, как строится социализм в Китае: участники посетили предприятия различной промышленности, учреждения культуры и другие объекты [Ibidem, р. 42]. Сотомайор указывает, что семинар сформировал у участников первоначальное понимание сущности Китайской революции, которое было таковым: её отдалённость от мирового пролетарского движения; отличный от продвигаемого Коминтерном курс; революция была направлена из деревни в города, и в этом её отличие от Октябрьской революции; результат Китайской революции независим от итогов Второй мировой войны; основой триумфа стало руководство Мао.

Внутрипартийный раскол в ПКП начался с того, что в 1961 г. просоветские члены партии попытались препятствовать публикации книги Де ла Ривы «Где рождается рассвет», в которой он изложил своё видение как прошедшего семинара, так и Китайской революции. Протесты против публикации были вызваны в основном тем, что эта книга в определённой степени выносила в публичное поле внутривнутрипартийные разногласия по поводу выбора политического курса. Вероятно, свою роль сыграло и то обстоятельство, что Де ла Рива являлся убеждённым сталинистом и был жёстким противником хрущёвского курса в СССР. Де ла Рива изложил в своём труде некоторые конкретные проблемы применения китайского опыта (в вопросах партизанской войны, а также автономии партии), обсуждая их на практике [9, р. 100-103]. Но при этом сама по себе его книга не является манифестом перуанских маоистов или же теоретическим трудом, посвященным идеологической проблематике, – она носит в основном описательный характер. Однако считается, что именно под влиянием Де ла Ривы в ПКП в 1958 г. вступил Абимаэль Гусман [13, р. 171].

В 1963 г., когда после Карибского кризиса разделение мирового коммунизма оформилось окончательно, лидеры прокитайской фракции ПКП Сотомайор и Сория вновь отправились в Китай, чтобы проконсультироваться с китайским руководством относительно вопроса о необходимости создания отдельной маоистской коммунистической партии в Перу. В конце ноября они прибывают в Пекин, где сначала встречаются с членами Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК во главе с Дэн Сяопином, а затем и с самим Мао. В ходе этих встреч Сотомайор заручился поддержкой со стороны китайского руководства его позиции на отделение маоистской фракции в отдельную партию – курс на избавление от просоветских лидеров и активистов, а также непринятие ревизионизма были признаны правильными [20, р. 23-30].

В 1964 г. на IV съезде ПКП произошел окончательный раскол партии: просоветская фракция во главе с Хорхе дель Прадо стала называться ПКП «Унидад», а маоистская – во главе с Сатурниньо Паредесом – стала носить название ПКП «Бандера Роха»: свои названия они получили по главным печатным органам фракций. На протяжении 1964-1970 гг. маоисты находились под влиянием серьёзных внутрипартийных противоречий, и между ними происходила постоянная борьба за влияние на проводимый партией единый курс. В 1965 г. на V съезде ПКП «Бандера Роха» Паредесом были сформулированы основные принципы нового курса, «получившие высокую оценку в Китае» [Ibidem, p. 46]: Перу – не зависимая, а скорее полуколониальная страна; главная сила перуанской революции – крестьянство; перуанская революция пойдёт путём из деревни в город; революционная армия – основная форма организации революционеров, народная война – основная форма борьбы; главная задача революционеров – создание армии и базы поддержки в сельской местности. В связи с такой постановкой вопроса Паредеса критиковали за его слабую теоретическую подготовку и одностороннее понимание применения маоистского опыта [Ibidem, p. 47]. В результате руководство «Бандера Роха», стремясь копировать китайский опыт, оказалось в политическом тупике. В 1964-1970 гг. маоисты ставили перед собой две задачи: интенсифицировать работу в сельской местности и сосредоточить усилия на изучении китайского опыта. Однако партийная работа среди крестьян осложнилась после того, как в 1968 г. к власти пришло военное правительство, которое начало определенные социалистические преобразования и в том числе провело аграрную реформу. Из-за этого маоистам стало труднее завоевать симпатии сельского населения в борьбе против правительства. В то же время руководство ПКП «Бандера Роха» стремилось очистить ряды партии от тех, кто критически осмысливал китайский опыт либо же имел связи с просоветскими активистами. Это обусловило выделение из маоистской среды других партийных образований, например ПКП «Патриа Роха», ПКП «Эстрелла Роха» и др. Решающее значение для того, чтобы занять лидерские позиции в «Бандера Роха» или же просто повысить свой авторитет, стал иметь факт прохождения идейно-политической подготовки в самом Китае. Именно за счёт этого одним из лидеров партии стал Абимаэль Гусман. Он посещал кадровые школы в Китае дважды – в 1965 и 1967 гг. Одной из целей его второй поездки было выяснение того, будет ли КНР оказывать «Бандера Роха» экономическую помощь. Этот запрос перуанских маоистов удовлетворён не был [7, p. 26]. При этом Гусман воочию наблюдал процесс Культурной революции в КНР и видел, что идеологические разногласия не чужды и китайским коммунистам, и сами по себе дебаты строятся вокруг того, кто правильнее интерпретирует идеи Мао [8, p. 16].

К началу 1970-х гг. внутрипартийные противоречия в очередной раз обострились. Гусман, вернувшийся из Китая в 1967 г. гораздо более уверенным в своих силах, стал регулярно публично высказываться по политическим и философским вопросам, полемизируя с Паредесом. Паредес полагал, что необходимо сосредоточиться на медленном создании по всей стране крестьянских ячеек и профсоюзов, в надежде на то, что через какое-то время они разрастутся настолько, что это позволит перейти к реальной революционной борьбе, имея необходимую поддержку. Гусман, в свою очередь, считал, что ПКП «Бандера Роха» должна немедленно перейти к вооружённой борьбе, а необходимая поддержка населения будет обретена уже в ходе противостояния с властями. Из-за столь серьёзного расхождения во взглядах в 1970 г. Гусман и его сторонники были исключены из ПКП «Бандера Роха».

Именно 1970 г. можно считать рождением «Сендеро Луминосо» в фактологическом смысле, потому что идеология организации ещё не была окончательно сформирована. К моменту своего исключения из партии Гусман уже имел серьёзный фундамент для своей поддержки в среде интеллектуалов Аякучо благодаря тому, что после возвращения из второй стажировки в Китае он сосредоточился на работе в университете Сан Кристобаль де Уаманга. Как сотрудник университета, Гусман отвечал за формирование учебного плана базового цикла и потому имел возможность ввести в преподавание общественных наук в том числе курсы по историческому и диалектическому материализму. Другие профессора, симпатизировавшие «Сендеро Луминосо», например агроном Антонио Диас Мартинес, также занимали важные позиции в структуре университета и могли оказывать радикальное влияние на других профессоров и студентов. Однако изначально число сторонников организации было невелико. Как говорил сам Гусман, в 1971 г. на втором собрании Центрального комитета «Сендеро Луминосо» в Аякучо присутствовало всего 12 человек, а во всём Перу его сторонников было около 50 [7, p. 27]. В этой связи следует отметить, что распространение социалистического влияния в университетах не ограничивалось действиями только исключительно сендеристов, да и маоистов в целом – оно являлось частью общей тенденции по радикализации университетских кругов Перу в 1970-х гг., а университет Сан Кристобаль был одним из флагманов радикализации [18]. Эта тенденция подкреплялась деятельностью правительства Веласко Альварано, которое значительно расширило связи с социалистическими странами, что усилило позиции левых сил.

В 1970-х гг. Гусман и его сторонники разворачивают широкую деятельность по привлечению в свои ряды университетской молодежи в Аякучо. Для этого организуется студенческое крыло – «Революционный студенческий фронт Сияющего пути Мариатеги» (упоминание Мариатеги было отсылкой к его роли в создании ПКП), который сотрудничал и с другими организациями сендеристов, не имеющими прямого отношения к университету, – Движением бедных крестьян и Народным фронтом защиты. Большое внимание уделялось работе в сельской местности с тем, чтобы завоевать доверие крестьян, а также повысить их грамотность и сформировать у самих сендеристов понимание того, что и как необходимо предпринимать для революции. Для этого сендеристы отправлялись работать учителями в сельские школы. Поддержка населения выростала, и к 1980 г. «Сендеро Луминосо» уже являлась очень значимой силой.

В университете появился центр изучения работ Мариатеги, в котором студенты и преподаватели изучали и обсуждали работы его, интерпретируя их с маоистских позиций. Некоторые из профессоров (в том числе Диас Мартинес) были приглашены посетить Китай и работать над переводом маоистских материалов [6; 10, р. 185-186]. Пропагандистские материалы из КНР (журналы, видеофильмы) доставлялись через Лиму и бесплатно распространялись в Аякучо – это усиливало влияние маоистских идей, хотя в 1970-х гг. количество материалов снизилось. Именно в этот период лидеры «Сендеро Луминосо» начали адаптировать идеологический фундамент маоизма к местным условиям. Для этого Гусман и его сторонники обратились к творческому наследию Мариатеги, чтобы выяснить, можно ли сделать его частью идеологии новой партии. О важности идей Мариатеги и о том, что он и его сторонники являются легитимными продолжателями идей Мариатеги, Гусман говорил ещё до своего исключения из «Бандера Роха» на конференции в университете Сан Кристоаль де Уаманга в 1968 г., в докладе «Чтобы понять Мариатеги» [15]. В своей речи 1975 г. «Давайте вернём Мариатеги и возродим его партию» Гусман уже интерпретирует Мариатеги в свете идей Мао и показывает сходство позиций обоих мыслителей по некоторым вопросам, давая свой синтез их взглядов [16]. Он объясняет это сходство таким образом: «Принимая непосредственное участие в классовой борьбе нашей страны, Мариатеги был способен развиваться как марксист и применять универсальные принципы в своём мышлении, отсюда и сходство многих его тезисов с тезисами Мао Цзэдуна» [Ibidem, р. 90]. Он заключает, что именно Мариатеги установил общую политическую линию перуанской революции [Ibidem, р. 72]. Цитируя программу Социалистической партии Перу, которую подготовил Мариатеги, Гусман заявляет, что «это мастерски показанные проблемы, стоящие перед перуанской революцией, и два её этапа: национально-демократический (или буржуазно-демократический, по мысли Мао Цзэдуна) и пролетарский» [Ibidem, р. 75]; говоря о характеристике Мариатеги вооруженных сил, возглавляемых коммунистами, Гусман тут же апеллирует к Мао: «... вот новый тип армии, которую порождает революция и которая может возникнуть только под абсолютным контролем партии, как учит Мао Цзэдун» [Ibidem, р. 81]. По словам самого Гусмана, к седьмому пленуму партии, т.е. 1976-1977 гг., вопрос адаптации наследия Мариатеги к нуждам «Сендеро Луминосо» уже был практически решён, и программа партии с использованием идей Мариатеги была в целом готова [7, р. 27].

Другой идеолог «Сендеро Луминосо» Диас Мартинес также был в определенном смысле близок к идеям Мариатеги, полагая, что попытка изменить быт перуанских крестьян извне, навязав им другие ценности, обречена на провал. Это только укрепляет у властей идею о том, что индейцев очень трудно интегрировать в современное общество. Диас Мартинес был уверен в том, что крестьянское общество может измениться, только если изменится всё перуанское общество, для чего необходимо следовать по пути революции, во главе которой должны стоять маоистские ячейки рабочих и крестьян. Он указывал, что революционные процессы в Гватемале, Мексике и Боливии потерпели неудачу, потому что их возглавили представители буржуазии, которым были чужды чаяния крестьян. После посещения Китая в 1974-1976 гг. Диас Мартинес издал книгу «Китай. Аграрная революция», в которой по-своему интерпретировал историю Китая с 1911 г. и заложил основу понятийного аппарата, используемого сендеристами в дальнейшем. Он также полагал, что после смерти Мао именно в Перу должны принять на себя мировое лидерство в следовании маоистским принципам под руководством «Председателя Гонсало» [17, р. 70].

Идеология «Сендеро Луминосо» к моменту начала народной войны в 1980 г. стала обозначаться как марксизм-ленинизм-маоизм, или «Мысль Гонсало» – это означало, что была проведена определенная адаптация универсальной идеологии марксизма-ленинизма-маоизма, в которую были внесены национальные дополнения. Вероятно, использование наследия Мариатеги и являлось этой адаптацией для того, чтобы сделать универсальную концепцию более легитимной в национальном ключе. Процесс идейно-политической доместики маоизма силами сендеристов в Перу происходил в ежедневной работе, идеология организации постоянно эволюционировала, но фундамент маоизма и ленинизма оставался прежним. Об этом Гусман говорил в том числе в большом интервью *El Diario* в 1988 г. [14]. Таким образом, работы Мао стали своего рода священными текстами не только для руководства «Сендеро Луминосо», но и для её рядовых членов, которые использовали их как руководство к действию – они руководили своими ячейками, основываясь на своём личном понимании марксизма-ленинизма-маоизма в приложении к конкретной ситуации или обстановке. Подобный отказ от простого копирования идейного наследия Мао сделал перуанскую интерпретацию маоизма жизнеспособной и позволил ему существовать и после ареста Гусмана в 1992 г.

Выводы. Зарождение и эволюция перуанских левых движений, и в особенности их радикальных направлений, определялись совокупностью взаимозависимых факторов. Основоположителем перуанского марксизма стал Хосе Карлос Мариатеги, однако после его смерти перуанские коммунисты находились в стороне от серьёзной политической деятельности. Успех Кубинской революции и советско-китайский раскол вызвали определённый идейный подъём в стране, следствием чего стало брожение в рядах перуанских коммунистов 1950-1960-х гг. В результате Перуанская коммунистическая партия оказалась разделённой, а значительная часть лидеров увлеклась идеями маоизма. Однако расхождение в идеологической интерпретации (и попытки простого копирования опыта Китайской революции) привело к дальнейшему разделению ПКП «Бандера Роха» и выделению из неё наиболее радикального лидера – Абимаэля Гусмана. Ключом к успеху для основанной им организации «Сендеро Луминосо» стало привнесение в заимствованную идеологию маоизма национального компонента – идеологического наследия Мариатеги. Это смешение идей сделало идеологию организации не абстрактным идейно-политическим конструктом, а реальным, гибким инструментом влияния на народные массы, в котором были учтены социально-политические и социально-экономические особенности

перуанского общества. Это стало одной из причин того, что деятельность организации приобрела национальный масштаб. Несмотря на негативные последствия, идеи организации имеют хождение в Перу до сих пор, особенно среди студентов и крестьян. И хотя влияние ее последователей невелико и активные действия сендеристов ведутся только в Аякучо, феномен «Сендеро Луминосо» и деятельность организации в 1980-2000-х гг. требуют дальнейшего изучения. Во-первых, идеология сендеристов, несомненно, продолжала эволюционировать и далее, уже без участия основных идеологов 1970-1980-х гг. вследствие их гибели или ареста властями. Во-вторых, в период наиболее активных действий «Сендеро Луминосо» конкурировала с другими маоистскими и схожими с ними организациями (главной из которых было «Революционное движение Тупак Амару»). Изучение этого процесса может способствовать выявлению ключевых отличий между ними. В-третьих, представляется необходимым провести сравнительный анализ «Сендеро Луминосо» и прочих маоистских организаций подобного толка (например, движения наксалитов в Индии). Это даст возможность понять, является ли подход сендеристов к интерпретации маоизма уникальным или же подобным образом действовали и другие организации. Данные направления дальнейшего развития темы представляют наибольшую актуальность в современном исследовательском процессе.

Список источников

1. Коларов Г. И., Усов В. В. Левый радикализм в Латинской Америке: социально-политические аспекты. М.: РосНОУ, 2012. 320 с.
2. Магомедов Р. М. Особенности эволюции леворадикальной идеологии в Латинской Америке в 70-е гг. XX века (на примере «Сендеро Луминосо») // Вестник Дагестанского государственного университета. 2015. Т. 30. Вып. 4. С. 147-152.
3. Мариатеги Х. К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. 424 с.
4. Хейфец В. Л. Маоистское течение в колумбийском партизанском движении // Латиноамериканский исторический альманах. 2018. № 19. С. 207-230.
5. Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. Между Гаваной и Москвой: кубинская революция и раскол латиноамериканских левых по вопросу о партизанской борьбе // Новая и новейшая история. 2018. № 6. С. 52-67.
6. Adrianzen C. Semblanza de Antonio Díaz Martínez [Электронный ресурс]. URL: https://www.marxists.org/espanol/adrianzen/1988/adm_bio.htm (дата обращения: 26.08.2020).
7. Comisión de la Verdad y la Reconciliación: Entrevista Abimael Guzman R. and Elena Iparraguirre R. Callao. 28.05.2002. Lima, 2002 // Личный архив автора статьи.
8. Comisión de la Verdad y la Reconciliación: Entrevista Abimael Guzman R. and Elena Iparraguirre R. Callao. 30.04.2002. Lima, 2002 // Личный архив автора статьи.
9. De la Riva C. Donde nace la aurora. Arequipa: Ediciones Nueva Era, 1961. 137 p.
10. Degregori C. El surgimiento de sendero luminoso: Ayacucho 1969-1979. Lima: Instituto de Estudios Peruanos, 1990. 270 p.
11. Gerring J. What Is a Case Study and What Is It Good for? // American Political Science Review. 2004. Vol. 98. № 2. P. 341-354.
12. Gerring J., Cojocar L. Selecting Cases for Intensive Analysis // Sociological Methods & Research. 2016. Vol. 45. Iss. 3. P. 392-423.
13. Gorriti G. Shining Path's Stalin and Trotsky // Shining Path of Peru / ed. by D. S. Palmer. 2nd ed. N. Y.: St. Martin's Press, 1994. P. 168-188.
14. Guzmán Reinoso A. Interview with Chairman Gonzalo [Электронный ресурс]. URL: <http://lesmaterialistes.com/english/interview-chairman-gonzalo> (дата обращения: 15.08.2020).
15. Guzmán Reinoso A. Para entender Mariátegui. 1968 // Guerra popular en el Perú: El pensamiento Gonzalo / ed. by Luis Arce Borja. Brussels: Luis Arce Borja, 1989. P. 43-58.
16. Guzmán Reinoso A. Retomemos a Mariátegui y reconstituamos su partido. 1975 // Guerra popular en el Perú: El pensamiento Gonzalo / ed. by Luis Arce Borja. Brussels: Luis Arce Borja, 1989. P. 59-92.
17. Harding C. Antonio Díaz Martínez and the Ideology of Sendero Luminoso // Bulletin of Latin American Research. 1988. Vol. 7. № 1. P. 65-73.
18. Lynch N. Los jóvenes rojos de San Marcos: El radicalismo universitario de los años setenta. Lima: El Zorro de Abajo Ediciones, 1990. 125 p.
19. Memorandum of Conversation between Mao Zedong and Ernesto 'Che' Guevara [Электронный ресурс]. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/115155> (дата обращения: 15.08.2020).
20. Sotomayor Pérez J. Leninismo o maoísmo? / coord. by Koldo Perez de San Roman. Lima, 2009. 192 p.

Interpretation and Adaptation of Maoism in Latin America by the Example of Peru

Goryachev Nikolay Nikolaevich

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East, FEB RAS, Vladivostok
goryachev@ihaefe.ru

The study aims to identify the conditions under which Maoism emerged and adapted in Peru as a new development path of radical political ideology. The article analyses the issues relating to emergence of radical socialist movements, their evolution and competition in historical-political process. Special attention is paid to development of the Maoist philosophy and power struggle between its followers that took place in the party until 1980, which gave rise to the Maoist organisation "Sendero Luminoso". Scientific novelty of the work lies in studying the ideological factors that influenced formation of Peruvian Maoism. As a result, it was proved that success of Maoism in Peru was predicated upon inclusion of local ideology based on J. C. Mariátegui's teaching into the Maoist doctrine.

Key words and phrases: Peru; Maoism; "Sendero Luminoso"; J. C. Mariátegui; A. Guzmán; communist split.